

В СУМРАКЕ ДОЛИНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дэ н Бёрк, фермер-овцевод.

Нора Бёрк, его жена.

Майкл Дара, молодой овцевод
и пастух.

Бродяга.

Место действия: одинокая хижина, стоящая
в начале узкой долины в графстве Уиклоу.*

Кухня в хижине. Направо очаг с горящим торфом. Поблизости от него, около стены, кровать, на которой лежит мертвое тело, прикрытое простыней. В противоположной стене дверь, около нее низкий стол и несколько табуреток или деревянных стульев. На столе два стакана и бутылка виски, как будто бы приготовленные для поминок, две чашки, чайник и лепешка домашнего изготовления.

Около кровати есть еще другая маленькая дверца.

Нора Бёрк ходит по комнате, прибирая вещи и ставя зажженные свечи на стол, время от времени беспокойно взглядывая на стоящую в стороне кровать. Кто-то тихо стучит в дверь. Она берет со стола чулок, в котором лежат деньги, и быстро засовывает его в карман. Затем идет открывать дверь.

Бродяга (за дверью). Добрый вечер вам, хозяйка дома сего.

Нора. И вам тоже добрый вечер, спасибо, прохожий человек. Плохая сегодня ночь, помилуй нас господи, и незавидная это доля бродить по дорогам, когда дождь так и льет.

Бродяга. Уж это истинно так. А я вот иду в Бриттас с ярмарки в Огриме.*

Нора. И все пешком, добрый человек?

Бродяга. На своих на двоих, хозяйюшка, и когда я издали увидел ваш огонек, я подумал, что, может быть, у вас найдется лишний глоток парного молока и покойный удобный угол, в котором мог бы переночевать прохожий. . . (Заглядывает внутрь хижины и замечает лежащего мертвеца.) Господи спаси и помилуй нас, грешных!

Нора. Это ничего, не обращайтесь внимания, добрый человек. Входите, не стойте на дожде.

Бродяга (медленно подходит к кровати). Это что же, он преставился, что ли?

Нора. Да, добрый человек. Помер он нынче на мое горе и оставил меня одну с целой сотней овец, что пасутся там на холмах, и без всякого торфа на зиму.

Бродяга (*внимательно смотрит на мертвеца*). Чудной что-то вид у него для покойника.

Нора (*чуть насмешливо*). Он всегда был какой-то странный, добрый человек. И я так полагаю,— кто в жизни был чужак, тот и мертвецом будет не таким, как все.

Бродяга. Уж очень это удивительно, что он у вас так и лежит — не прибранный и без гроба.

Нора (*подходит к кровати*). Я боялась к нему подходить, добрый человек, он на меня наложил страшное заклятие сегодня утром: чтобы я не смела прикасаться к его телу, если он вдруг умрет, и чтобы никто другой не смел его трогать, кроме одной только его сестры, а она живет в десяти милях отсюда, в той большой долине за холмом.

Бродяга (*посмотрев на нее, медленно кивает головой*). Виданное ли это дело, что он не позволил собственной жене к себе прикасаться, а сам тихо помер в своей постели.

Нора. Он был старый человек, и нелюдимый человек он был, скажу я вам, и всегда он ходил один по холмам и думал свою думу среди густого тумана... (*Приподнимает край простыни.*) Положите руку на него и скажите мне, точно ли он похолодел?

Бродяга. Это — чтобы заклятие на меня пало, хозяйка? Я до него бы не дотронулся, даже если бы мне дали за это столько золота, что им бы можно было наполнить все Нахэнаганское озеро.*

Нора (*бросает беспокойные взгляды на мертвое тело*). Для такого, как он, остыть, может, еще и не значит помереть, потому как он всегда был холодным, целый день, пока я его знала... и целую ночь, добрый человек... (*Покрывает лицо мертвецу и отходит от кровати.*) Но, я думаю, он все-таки помер, потому он еще недавно жаловался, что у него в сердце колет, а нынче утром, когда он собирался ехать на три или четыре дня в Бриггас, его и скрутило. Тогда он лег в постель и сказал, что ему неможется, и лежал так, пока уже стало темнеть в долине, а когда солнце совсем зашло за болото, что на той стороне, он вдруг подскочил на кровати и вскрикнул страшным голо-

сом, а потом вытянулся и застыл — совсем как мертвая овца.

Бродяга (*крестится*). Царствие ему небесное.

Нора (*наливает ему стакан виски*). Может быть, это вам придется больше по вкусу, чем самое сладкое молоко от лучшей коровы в графстве Уиклоу?

Бродяга. Да вознаградит вас всемогущий. За ваше доброе здоровье. (*Пьет.*)

Нора (*передает ему трубку и табак*). У меня других трубок нет, добрый человек, кроме тех, из которых он сам курил, но из них все-таки вкусно курить.

Бродяга. Премного вам благодарен, хозяйюшка.

Нора. Садитесь теперь и отдохните, прохожий человек.

Бродяга (*набивая трубку, оглядывает комнату*). Много я ходил по белу свету, хозяйюшка, и много чудес видел, но никогда мне еще не приходилось видеть, до сегодняшнего дня, поминок с крепкой водкой,* добрым табачком и славной трубочкой,— и никого, кто бы мог всем этим попользоваться, кроме одной только одинокой женщины.

Нора. Да разве вы не поняли, что помер-то он, только уж когда солнце зашло, и как бы я пошла в долину сообщить соседям, когда я одна-одинешенька в доме и здесь кругом ни души нет?

Бродяга (*пьет*). Да вы не обижайтесь, хозяйюшка.

Нора. Никакой тут нет обиды, добрый человек. Откуда же вам знать, когда вы ночью проходите мимо моего дома, что я здесь так одиноко живу, что поблизости и жилья-то никакого нет?

Бродяга (*садится*). Оно понятно. (*Закуривает трубку так, что яркое пламя на минуту освещает его изможденное лицо.*) Когда я входил сюда, я подумал, что, пожалуй, другая женщина, если бы она осталась одна, испугалась, увидя ночью такого, как я, когда кругом нет живой души, что могла бы приметить свет в вашем окошке.

Нора (*медленно*). Да, поди, другие бы испугались на моем месте, но я никогда никого не боялась, будь то нищий или епископ, да и вообще никого на свете. . . (*Бросает взгляд по направлению к окну и говорит, понижая голос.*)

Совсем другого, а не таких, как ваш брат, надо нам боятся.

Бродяга (*оглядывается, пожевываясь*). Уже это правда так, помилуй нас господи!

Нора (*взглядывает на него с любопытством*). Вы так это сказали, добрый человек, что подумаешь, вы не больно-то храбры.

Бродяга (*говорит мрачно*). Это я-то, хозяйюшка? А кто же тогда целые ночи бродит по дорогам и взбирается на холмы в густом тумане, когда и прутик покажется с руку толщиной, и кролик — с гнедую кобылу, и куча торфа — с дублинскую соборную колокольню? * Если бы я был из робких, скажу я вам, меня давно б уже заперли в сумасшедший дом в Ричмонде, а то, может, я удрал бы далеко в горы в одной рубашке и достался воронам на съедение, как это случилось с Пэтчем Дарси о прошлом годе, да упокоит господь его душу.

Нора (*заинтересованная*). Вы знали Дарси?

Бродяга. Разве не я был последним, кто слышал его голос на этом свете?

Нора. Тогда много разговоров было об этом, но разве кто может поверить всем сплетням, что разносили у нас по долине?

Бродяга. Это не сплетни, хозяйюшка... Я тогда спускался, вот в такую же темную ночь, как сегодня, и дождь лил среди тумана, и овцы лежали, сгрудившись, под земляным валом, и каждая из них кашляла и кряхтела, точно какой-нибудь столетний старик. И вдруг я услышал, что кто-то громко разговаривает со мной, — чудные это были речи, сразу-то я ушам своим не поверил, в особенности когда я шел и думал о своем. «С нами крестная сила, — сказал я себе, — если мне теперь начинают слышаться такие голоса из густого тумана, то я, видно, спятил». И я побежал и бежал до тех пор, пока не очутился внизу, в Рэтвэнне. Я напился в эту ночь, и утром еще выпил, и на другой день был выпивши, и вот на третий день, когда я возвращался со скачек, оттуда снизу, они и нашли Дарси... Тогда я понял, что это я его слышал, и перестал трусить.

Нора (*говорит медленно и печально*). Да помилует господь его душу. Он всегда заходил к нам сюда, когда подымался вверх или спускался в долину, и я скучала по

нем долгое время. (*Смотрит на кровать и понижает голос, говоря очень медленно.*) А затем я опять зажила счастливо,— если только мы можем быть когда-либо счастливы здесь, добрый человек,— потому что я привыкла жить одна. (*Короткая пауза, затем Нора встает.*) Вы никого не встретили на дороге, ближе сюда к нам, когда вы шли из Огрима?

Бродяга. Встретил какого-то молодого парня со стадом горных овец. Он бегал за ними туда и сюда и в кучу их сгонял.

Нора (*с полуулыбкой*). И далеко это было, добрый человек?

Бродяга. Да тут, совсем рядом.

Нора наполняет водой чайник и ставит его на огонь.

Нора. Если вы не из трусливых, то, может быть, вы побудете здесь с ним вдвоем недолгое время.

Бродяга. А что же, пожалуйста. От покойника вреда быть не может.

Нора (*говорит с некоторой принужденностью*). Я пойду сейчас в одно место тут неподалеку, прохожий человек, от нас на запад. Сам-то часто выходил по ночам к этому месту и свистел, и тогда молодой парень, тот самый, кого вы встретили,— он вроде как фермер, перебрался сюда с моря и живет в хижине по соседству,— приходил узнать, что нам требуется. А мне нужно сейчас его видеть, чтобы он мог завтра на рассвете спуститься в долину и сообщить людям, что сам-то у меня помер.

Бродяга (*смотрит на мертвое тело, прикрытое простыней*). Я пойду за ним, хозяйюшка, чего это вам-то беспокоиться в такой дождь.

Нора. Вы не найдете дороги. добрый человек, туда ведет одна лишь узенькая тропинка, и она еще бежит между двумя болотами, такими глубокими, что в них могла бы потонуть тележка с ослом. (*Надевает платок на голову.*) Располагайтесь здесь поудобнее и помолитесь за упокой его души, а я сейчас вернусь.

Бродяга (*беспокойно прохаживается по комнате*). Может быть, у вас найдется иголка поострее и суровая нитка. — удивительно, как иголка от всякой чертовщины сохраняет, скажу вам, хозяйюшка,— я бы кое-где зашил мою

старую куртку, пока я за его душеньку-то молиться буду, а она, голенькая, к святым в райскую обитель возноситься будет.

Нора (*берет иголку с ниткой, заколотую у нее на груди, и передает ему*). Вот вам иголка, добрый человек, и я надеюсь, что вы не стоскуетесь здесь в одиночестве. Ведь вы же привычны к нашим холмам, а с покойником даже лучше делить компанию, чем сидеть совсем одному и слушать, как ветер воет, и не знать, о чем думать в такую пору.

Бродяга (*медленно*). Да уж это, конечно, истинно так, помилуй нас господи.

Нора уходит. Бродяга садится и начинает пришивать клоч материи, вырванный из куртки, в то же время вполголоса читая «De Profundis».* В это время простыня на покойнике медленно сползает, и Дэн Бёрк выглядывает из-под нее. Бродяга с беспокойством ерзает на своем стуле, затем решается взглянуть и в ужасе вскакивает на ноги.

Дэн (*хрипло*). Не пугайся, прохожий: от покойника вреда быть не может.

Бродяга (*дрожа*). Да ведь я не хотел вас обидеть, ваша милость. А вы, может быть, меня не тронете, чтобы я мог помолиться за упокой вашей души?

Снаружи доносится продолжительный свист.

Дэн (*приподымаясь, садится на своем ложе и говорит с жаром*). Ах ты, черт ее дери совсем... Ты слышишь, прохожий? Ты когда-нибудь слышал, чтобы другая какая баба так свистела, заложив два пальца в рот? (*Поспешно озирает стол.*) Меня жажда мучит, дай мне чего-нибудь выпить поскорей, пока она не вернулась.

Бродяга (*с сомнением*). А вы взаправду не померли?

Дэн. Как бы это я помер, прохожий, когда у меня сейчас внутри все так и горит?

Бродяга (*наливает ему виски*). Что она скажет, когда услышит, что от вас водкой разит,— ведь я так полагаю, вы же недаром прикинулись покойником?

Дэн. Недаром, прохожий. Но она ко мне не подойдет близко, а мне недолго теперь еще прикидываться-то. У меня и так всю спину свело судорогой, и ногу я отлежал, и

в носу свербело, словно сам черт мне в него муху загнал. Мне до смерти хотелось чихнуть, а вы тут несете всякую ерунду о дожде и о Дарси (с горечью),— чтобы его черти взяли,— и о соборных колокольнях. (Нетерпеливо кричит.) Да дай же мне виски! Ты что же, хочешь, чтобы она возвратилась до того, как я хоть капельку выпью?

Бродяга передает ему стакан.

(Выпив.) Подойди теперь к этому буфету, найди там в углу около стены черную палку и дай ее мне.

Бродяга (достает палку из-за шкафа). Вот эта, что ли, ваша милость?

Дэн. Она самая. Я уже давно ее завел, потому—у меня плохая жена в доме.

Бродяга (смотрит на него косо). Это она-то, что так краснó говорит?

Дэн. Она самая. Плохая она жена — плохая жена для старика, а я становлюсь стар, хоть, с божьей помощью, я еще кое на что годен. (Берет палку в руки.) Ты еще подожди малость, и ты тут занятные вещи увидишь часа через два или три. (Прислушивается.) Это что — идет кто-нибудь, что ли?

Бродяга (прислушивается). Там слышатся голоса на дороге.

Дэн. Положи палку под простынную и одерни ее, чтобы все лежало как раньше. (Поспешно натягивает на себя простыню.) А теперь притворись, что ты спишь, и не показывай вида, что ты что-то знаешь, а то я из тебя душу выколочу. Я бы тебе вообще ничего не сказал, да уж очень меня жажда мучила.

Бродяга (покрывает ему голову). Не беспокойся, хозяин. Что я вам, сват или брат, чтобы впутываться в ваши дела? Ни словечка я не скажу, пальцем не пошевелю. (Возвращается к огню, садится на табурет, спиной к кровати, и продолжает чинить свою куртку.)

Дэн (из-под простыни, брюзгливо). Прохожий!

Бродяга (живо). Тише ты! Молчи! Тише, я тебе говорю! Они подходят к двери.

Нора входит, ведя за собой Майкла Дару, высокого простоватого малого.

Нора. Он мне на дороге попался, добрый человек, вот и скоро и вернулась.

Бродяга. Нет, вы все-таки порядочно замешкались, хозяйка.

Нора. А он как? Так все и лежал?

Бродяга. Так и лежал, хозяйюшка.

Нора (*Майклу*). Подойди теперь, приподыми простыню и взгляни на него, Майкл Дара, и ты сам увидишь, что я правду говорю.

Майкл. Я не хочу, Нора, я боюсь покойников.

Майкл садится на табурет лицом к бродяге. Нора перевешивает чайник с верхнего крюка в очаге на нижний, ближе к огню, и подбрасывает торфу.

Нора (*бродяге*). Вы выпьете чашечку чаю со мной и с этим молодцом, добрый человек, или (*с особой убедительностью*), может, пройдете в чулан и ляжете отдохнуть на постели? Я так думаю, что вы порядком устали, прошагав так долго, да еще под проливным дождем?

Бродяга. Это что же, я уйду и вас оставляю, а вы всю ночь будете сидеть и сторожить покойника, хозяйюшка? Нет уж, этого я не сделаю, ни за что. (*Пьет из стакана, что стоит рядом с ним.*) И никакого мне вашего чаю не нужно. (*Начинает опять чинить свою одежду.*)

Нора приготовляет чай.

Майкл (*глядит на бродягу некоторое время молча и довольно презрительно*). Дрянь у тебя куртка, как я погляжу, и портной ты, видно, неважный.

Бродяга. Если я портной и неважный, то я так полагаю, что и пастух тот неважный, который бегаёт взад и вперед за полдюжиной овец и никак их согнать не может, вот вроде того, парень, как, я видел, ты сегодня бегал, когда возвращался с ярмарки.

Нора идет к столу.

Нора (*тихо Майклу*). Ты на него не обращай внимания, Майкл Дара, он хлебнул малость и, поди, скоро заснет.

Майкл. Нет, что же, он не врет,— я действительно с ними нынче горя хватил. Это такая упрямая тварь, все

норовит в чужой овес забрести или к чужому сену подбраться. А то они еще в ржавое болото скovyрнутся и оттуда вылезут больше на старых козлов похожие, чем на овец. . . Странная порода — эти горные овцы, Нора Бёрк, я к ним совсем непривычен.

Нора (*ставит на стол чайную посуду*). Я слышала, что никому не справиться с горной овцой, только людям, что выросли в Гленмелюре, или наверху в Рэтвэнне, или в Имаалской долине, только таким людям, как Пэтч Дарси, да помилует господь его душу, который мог пройти через стадо овец в пятьсот голов и, совсем на них не глядя, заметить, что одной не хватает.

Майкл (*несколько тревожно*). Это тот человек, что свихнулся о прошлом годе?

Нора. Он самый.

Бродяга (*унылым голосом*). Это был настоящий мужчина, паренек, настоящий мужчина, я тебе скажу. Ни одного ягненка не было среди его овец, которого он бы не узнавал еще до того, как на него клеймо поставят. А бежать он мог отсюда до самого Дублина и ни разу не пердохнуть.

Нора (*быстро оборачивается*). Он действительно был настоящим мужчиной, добрый человек. И разве это не великая вещь, когда живой скажет хорошее слово о покойнике, да еще если он умер безумным?

Бродяга. Я правду сказал, царствие ему небесное.

Бродяга втыкает иголку в воротник своей куртки и укладывается спать в углу, у очага. Нора садится к столу. Нора и Майкл сидят спиной к кровати.

Майкл (*смотрит на нее странным взглядом*). Я сегодня слышал, Нора Бёрк, что Пэтч Дарси всегда проходил по этой ближней тропинке, когда подымался или спускался, и я слышал, что он никогда, ни утром, ни вечером, не проходил мимо, не поговорив с тобой.

Нора (*тихим голосом*). И тебе не солгали, Майкл Дара.

Майкл. Я так полагаю, что ты много мужчин знавала, несмотря что ты живешь в таком пустынном месте.

Нора (*наливает ему чаю*). В пустынном-то месте хочется с кем-нибудь потолковать и потому и ищешь кого-

нибудь встретить под вечер; а если я и много мужчин знавала, то это были самые лучшие мужчины, потому что мне и когда я была ребенком трудно было угодить, и девушкой я была разборчивой... (смотрит на него несколько строгим взглядом), и женщиной я осталась такой же, так что мне трудно понравиться, Майкл Дара, и это я тебе не вру.

Майкл (поворачивается, чтобы убедиться, что бродяга уснул, и затем указывает на покойника). Что же, ты тогда была тоже разборчивой невестой, когда выходила за него замуж?

Нора. А как бы я стала жить потом, в старости, если бы я не вышла замуж за человека, у которого была своя маленькая ферма, и коровы свои, и овцы, что пасутся по склонам гор?

Майкл (взвешивает ее ответ). Это справедливо, Нора, и, может быть, ты не так уж глупо поступила, потому что тут трава хорошая, несмотря что место пустынное, да, поди, он еще тебе порядочные деньги оставил.

Нора (вынимает из кармана чулок с деньгами и кладет его на стол). Я иногда думаю в долгие бессонные ночи, что я все-таки была тогда большой дурой, Майкл Дара. На кой прах мне вся эта ферма, и коровы, и овцы, и пастбища на холмах, когда день-деньской сидишь одна у двери и смотришь наружу, вот хотя бы у такой двери, как эта, и ничего-то ты не видишь, кроме туманов, как они спускаются в болото, и опять же туманов, как они поднимаются из болота, и ничего-то ты не услышишь, кроме ветра, что завывает промеж поломанных деревьев, оставшихся от великой бури, кроме рева горных потоков и шума дождя.

Майкл (смотрит на нее с тревогой). Что это с тобой сегодня, Нора Бёрк? Мне говорили, что вот такие речи можно слышать от людей, которые долго жили на дальних холмах в одиночестве.

Нора (выкладывая деньги на стол). Плохая сегодня ночь, Майкл Дара, бурная ночь. А разве я уже не долгое время живу здесь у подножия гор и варю похлебку для самого и похлебку для свиной матки и пеку хлеб, когда стемнеет? (Машинально раскладывает монеты небольшими стопками.) Уже долгое время я сижу здесь сиднем и зимой,

и летом, и ясной весной, а молодежь подрастает, а старики уходят, и я как-то раз подумала: посмотреть только на Мери Брайен, она вот такой была (*показывает рукой*), а я была уже почти взрослой красивой девушкой, а теперь у нее уже двое ребят и третьего она ждет через три-четыре месяца. (*Замолкает. Пауза.*)

Майкл (*подвигая к ней три столбика*). Здесь теперь будет ровно три фунта, Нора Бёрк.

Нора (*продолжая прежним тоном*). А другой раз посмотрю я на Пегги Кавэну, которая когда-то лучше всех могла неподатливую корову выдоить, — а ведь это не так просто, — и лепешку ловко на другую сторону перекинуть, — как она теперь шляется по дорогам или сидит на пороге своей грязной лачуги, без единого зуба во рту, с тупым взглядом и плешивой головой, точно у нее не голова, а холм, с которого траву огнем спалило.

Майкл. Здесь будет пять фунтов чистоганом и десять бумажками — кругленькая сумма, я тебе скажу... Ты по-другому заговоришь, когда выйдешь замуж за молодого человека, Нора Бёрк. А там на ярмарке люди болтали, что лучше моих ягнят нет, и я за них взял хорошую цену, потому я теперь не так прост, я умею торговаться, раз я знаю, что ягнята мои хороши.

Нора. Что ты за них получил?

Майкл. Двадцать фунтов за всех гуртом, Нора Бёрк... Нам теперь надо подождать, пока самого похоропят на кладбище у семи церквей,* а затем мы повешаемся с тобой в часовне в Рэтвэинне, и я пригоню своих овец на твоем кладбище на склоне горы, и поверь мне — никакой тоски тогда у нас не будет, даже когда туманы поползут в долину.

Нора (*наливает ему виски*). Для чего это мне за тебя идти, Майкл Дара? Ты состаришься, и я состарюсь, и в скором времени, я тебя уверяю, ты будешь сидеть в своей постели, вот так же, как он сидел, с трясущейся головой, с беззубым ртом, с белыми редкими волосами, что торчат во все стороны, точно ветки на кусте, объединном овцами.

Дэн Бёрк неслышно выползает из-под своей простыни и садится на постели, закрывая себе лицо рукой. Его белые волосы торчат во все стороны в беспорядке. Нора продолжает говорить медленно, не замечая его.

Грустное это дело стариться, но и странная штука — старость, я тебе скажу. Чудно́ это как-то смотреть на старого человека, когда он сидит на своей постели без единого зуба во рту и злобно ворчит, и подбородок делается у него такой, что, кажется, им кору сдирать можно. Прости меня господи, Майкл Дара, мы все будем когда-нибудь стариками, но чудно́ это все-таки.

Майкл. Это все оттого, что ты слишком одинока была, живя так долго со стариком, Нора. И вот ты опять заговорила, точно пастух, который долгое время пробыл в густом тумане (*обнимает ее за талию*), но теперь для тебя наступит веселая жизнь с молодым человеком — веселая жизнь, я тебя уверяю.

Дэн громко чихает. Майкл стремительно бросается к двери, но, прежде чем он успевает выбежать, Дэн выскакивает из своей постели в одном исподнем и с палкой в руке подбегает к двери, загоразживая ее своей спиной.

Господи Иисусе Христе, помилуй нас! (*Крестится и пьтается к стене.*)

Дэн (*указывая на него рукой*). Нет, ты на ней не женишься, в то время как я буду гнить на кладбище у семи церквей, а я тебя уж так отделаю, что ты у меня до утра бежать будешь по холмам, себя не помня.

Майкл (*Норе*). Спаси ты меня, Нора, ради самого создателя. Он всегда делал, что ты хотела, — может, он и теперь тебя послушает.

Нора (*смотрит на бродягу*). Что это он — живой или мертвый?

Дэн (*поворачивается к ней*). Много тебе было дела до того, живой я или мертвый? Но прошли теперь твои золотые денечки и покончены все эти твои разговоры о молодых людях и стариках, и о туманах, что опускаются и поднимаются. (*Раскрывает дверь.*) Ты уйдешь сейчас в эту дверь, Нора Бёрк, и ни завтра, ни послезавтра, ни в другой какой-нибудь день, никогда больше в жизни ты уже не переступишь ее порога.

Бродяга (*встает*). Старый вы человек, а такие жестокие слова говорите, хозяин. Что это она делать будет, если вы ее выгоните на улицу?

Дэн. А пусть ее шляется по дорогам, вот как Пегги Кавэна, и собирает милостыню на перекрестках или пусть

себе песни поет прохожим мужикам. (*Нора.*) Уходи теперь вон отсюда, Нора Бёрк, и помяни мое слово — быстро ты состаришься при такой жизни, очень скоро у тебя выпадут зубы, и голова твоя станет похожа на куст, объеденный овцами. (*Умолкает на минуту.*)

Нора взглядывает на Майкла.

Майкл (*робко*). Там внизу в Рэтдрэме есть прекрасный рабочий дом...

Дэн. Такая, как она, не решится туда пойти... Она будет бродить по пустынным дорогам и будет прятаться ото всех, пока ей не придет конец и ее не найдут замерзшей где-нибудь под забором, как дохлую овцу, и большие пауки будут ползать по ней и плести на ней свою паутину.

Нора (*злбно*). А что с тобой будет тогда, Дэниел Бёрк? Что с тобой будет, когда ты уже давно будешь лежать в могиле? Потому что и жил-то ты мерзко и помрешь ты поганю, как старый грешник. (*Одно мгновение смотрит на него горящим взглядом, затем отворачивается от него и опять говорит жалобным тоном.*) Впрочем, чему быть, того не миновать, Дэниел Бёрк, и кто тут может чем-нибудь помочь? А ты лучше сейчас ложись обратно в постель, а то ты, смотри, полуголый стоишь на самом ветру, да еще при этом дожде, так недолго и насмерть простудиться.

Дэн. А ты, поди, горда и счастлива будешь, если я простужусь насмерть в тот день, что я от тебя избавился. (*Указывая ей на дверь.*) Уходи вон отсюда, я тебе повторяю, и не возвращайся сюда, даже если с голоду помирать станешь и не будешь знать, где тебе голову преклонить.

Бродяга (*указывает на Майкла*). Может быть, он ее возьмет?

Нора. А что он станет со мной теперь делать?

Бродяга. Уложит тебя в свою постель и будет тебя кормить.

Дэн. Да ты что думаешь, он совсем дурак, что ли? Или ты сам блаженным родился? Пусть она выметается отсюда поскорее, и ты сам уходи с ней, прохожий, несмотря что сейчас дождь льет как из ведра, больно уж много ты тут разговаривать стал.

Бродяга (*подходит к Норе*). Ну что ж, пойдём отсюда, хозяйюшка. Дождь льёт, это правда, но воздух тёплый, и, может быть, завтра будет ясное утро, по милости божией.

Нора. Что мне до ясного утра, когда я совсем убита и иду я на большую дорогу за своей смертью.

Бродяга. Со мной ты не померешь, хозяйюшка, я всякие способы знаю, чтобы всегда сытому быть... Мы сейчас пойдём с тобой, и вот ты послушай меня: если и холодно тебе будет подчас, и морозно, и дождь тебя мочить будет, и солнцем тебя опалит, и ветер на тебя будет дуть с гор, то все же ты не будешь сидеть на мокром болоте, как ты тут сидела, и стариться, смотря целый день, как туманы ползут мимо двери. И ты скажешь порой: «Какой чудный вечер сегодня, по милости божией», а в другой раз: «Бурная эта ночь сегодня, помилуй нас господи. Но это все, верно, пройдет». И ты тогда скажешь...

Дэн (*подходит к нему, кричит в нетерпении*). Убирайся вон отсюда, ещё раз тебе говорю, и болтай себе сколько вздумается там, внизу, в долине.

Нора собирает кое-какие вещи в свой платок.

Бродяга (*у двери*). Идём со мной теперь, хозяйюшка, и не только мою болтовню ты услышишь, но услышишь ещё, как цапля кричит, пролетая над чёрными озерами, и куропаток услышишь, и сов, и, в тёплые дни, пение жаворонков, и больших дроздов. И ты от них не услышишь таких вещей, что ты состаришься, как Пегги Кавэна, и оплывеешь и что глаза твои потускнеют, а ты услышишь веселые песни при восходе солнца, и рядом с тобой не будет сипеть старый хрыч над самым ухом, точно больная овца.

Нора. Мне кажется, что я сама буду сипеть тогда, лежа под звездами, в холодную ночь. Но ты ласково говоришь, прохожий человек, и я пойду с тобой. (*Идет к двери и потом оборачивается к Дэну.*) Ты думаешь, что ты большое дело сделал, что притворился мертвым? А к чему это тебе послужило? Как это женщине прожить в таком пустынном месте и не поболтать с проходящими мужчинами? А как ты сам теперь будешь жить, когда около тебя никого нет, кто бы о тебе позаботился? Мрачная у тебя

будет жизнь, Дэниел Бёрк, и не долго тебе теперь ждать, поверь мне, чтобы опять тебе лечь под простыню, — и уж на этот раз ты помрешь взаправду.

Нора уходит с бродягой. Майкл хочет выскользнуть за ней, но Дэп его останавливает.

Дэп. Сядь сюда, Майкл Дара, и попробуй вот этого пойла. Мне страсть как выпить хочется, а ночь еще только в самом начале.

Майкл (идет к столу). Да, у меня тоже совсем в горле пересохло, после того что вы меня напугали до смерти, а я еще вдобавок с полудня гонял овец по горам.

Дэп (кидает свою палку в сторону). Я думал тебя проучить, Майкл Дара, но ты смирный парень, помогай тебе бог, и я на тебя обиды не держу. (Наливает два стакана виски и подает один Майклу.) За твое здоровье, Майкл Дара.

Майкл. Да вознаградит вас бог, Дэниел Бёрк, и даст вам долгую жизнь, и счастливую жизнь, и доброе здоровье в придачу.

Пьют.

Занавес